

КИТАЙСКИЕ ИЕРОГЛИФЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЕМАНТИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

В.В. Ананьев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

В данной статье рассматривается знаковая природа иероглифа с применением схемы семантического треугольника Огдена – Ричардса. Изучение семантической структуры иероглифа актуально в связи с тем, что при очевидности отличий идеографического письма от фонетического в лингвистических трудах наблюдается тенденция к игнорированию этих отличий, а наблюдаемые в области функционирования иероглифики явления (наличие разных, в том числе присваиваемых произвольно, чтений у одного знака или сочетания нескольких, возможность или даже необходимость употребления знака в отрыве от чтения) описываются, но не получают теоретического объяснения. Схема иероглифа, основанная на семантическом треугольнике Огдена – Ричардса, позволяет представить в абстрактном виде и описать как разные виды иероглифов (пиктограммы, первичные идеограммы, фоноидеограммы), так и механизмы некоторых грамматологических феноменов (фонетический ребус, атэдзи, аморфное смысловое письмо, транслингвографический перевод, иероглифическая омография). В результате анализа иероглиф предстает сложным знаком, обладающим двумя планами выражения, связь между которыми с точки зрения современного пользователя мотивирована слабо или не мотивирована вовсе. Такое свойство резко противопоставляет иероглифику фонетическому письму.

Ключевые слова: иероглиф, семантический треугольник, грамматология, китайский язык, японский язык, атэдзи, иероглифическая омография.

При всей очевидности знакового характера китайских иероглифов им не так много внимания уделялось с точки зрения семиотики. Западная лингвистическая традиция, ориентированная на звучащее слово, в целом подходит к письму в лучшем случае снисходительно, рассматривая его как средство фиксации звучащей речи [11, с. 12], т. е. явление вторичное, причем такой взгляд характерен уже для Аристотеля и Платона [4], кроме того, наиболее развитым видом письма считается фонографическое [11, с. 184], в результате иероглифика уходит как минимум на периферию области изучения.

В противоположность этому в восточной и востоковедческой традициях иероглифы предстают неотъемлемой частью языкового мира, что имеет следствием, с одной стороны, естественно высокий их статус, с другой – преимущественный интерес к их этимологии (в терминологии авторов «Словаря этимологий базовых знаков китайской письменности» – этимологии [9, с. 7]) и практическим вопросам употребления. Хотя даже востоковеды долгое время не рассматривали достаточно глубоко вопрос о сущности идеографического знака. Так, В.М. Солнцев, отмечая отличия иероглифического письма от фонетического, в частности большую связь первого со значением, нежели со звучанием, все равно не считает значимой разницу

между ними [6, с. 9]. Более того, в еще более ранней традиции востоковедения среди ученых были распространены попытки придать иероглифическому знаку системные фонетические признаки. В частности, В.П. Васильев в работе «Анализ китайских иероглифов» выделяет целый раздел, посвященный попыткам осмысления так называемого корневого состава китайского языка, по его мнению, зафиксированного в фонетических указателях [2, с. 31–38].

С.В. Стефановская отмечает следующие особенности иероглифа как письменного знака (нумерация наша – В. А.): 1) «иероглифическое письмо непосредственно передает план содержания лингвистических единиц», 2) «[и]ероглиф записывает и значение морфемы, и слог, представляющий эту морфему в устной речи», 3) «[и]з принципа обозначения, свойственного иероглифическому письму, следует его свойство: независимость знака от его чтения... Китайский иероглиф может иметь любое количество чтений в соответствии с числом языков, которые пользуются этим письмом» [7, с. 140–141].

Приведенные характеристики воспринимаются как само собой разумеющиеся и не становятся объектом теоретического анализа, вероятно, также в связи с тем, что чаще всего употребление иероглифики рассматривается на материале одного язы-

Зеленые страницы

ка или диалекта, в результате чего аспект соотношения графической формы со звуковой предстает нерелевантным. Даже в исследованиях, посвященных японскому языку, где вопрос соответствия нескольких звуковых форм одной графической весьма актуален, изучаются обычно исторические причины наличия разных чтений и вопросы употребления того или иного из них.

Между тем анализ семантической структуры иероглифа как знака раскрывает особенности иероглифики как вида письма. В последнее время изучение своеобразия китайской письменности с позиций семиотики (в русле идей Ч.С. Пирса) проводится в работах О.М. Готлиба [3] и его последователей [7, 9, 10].

Рассмотрение семантической структуры иероглифа с применением модели семантического треугольника Огдена – Ричардса дает возможность, во-первых, представить в абстрактном виде саму структуру, во-вторых, вывести на новый уровень теоретическое описание механизмов употребления иероглифики и тем самым усилить объяснительный аспект рассмотрения знаков идеографического письма.

Вершины семантического треугольника (далее – СТ) представляют референт, понятие и означающее. Референт является объектом действительности (классом объектов), понятие – отражением объекта в сознании носителя языка, означающее – формой выражения. При рассмотрении языковых единиц под последней обычно понимается звуковая форма, даже если она представляется в графическом виде.

При помещении иероглифического знака в данную модель проявляется его сложность: несмотря на то, что иероглиф более или менее независим от звуковой формы выражения, в обычном употреблении он все-таки ассоциируется с каким-либо чтением. Иными словами, в сознании носителя языка иероглиф представляет собой графико-акустический комплекс.

На рис. 1 представлен СТ, где в качестве означающего выступает графическая форма (далее – ГФ), на рис. 2 – звуковая форма (далее – ЗФ) в китайском языке. Для того чтобы отразить связи между референтом, понятием, ГФ и ЗФ необходим более сложный рисунок.

На рис. 3 представлено наложение связей, образуемых референтом, понятием и ГФ, с одной стороны, референтом, понятием и ЗФ – с другой, а также ГФ и ЗФ. При этом пунктирные линии между референтом и вариантами формы отражают опосредованную связь между ними, а тонкий пунктир между ГФ и ЗФ – связь еще более слабую, независимость знака от его чтения.

Несмотря на то, что китайские иероглифы часто называют идеограммами, это не вполне верно. На основе предложенных Ч.С. Пирсом критериев связи между означающим и означаемым

О.М. Готлиб выделяет три группы письменных знаков в китайском языке:

- 1) *пиктограммы* – знаки, означающие которых непосредственно связаны с означаемыми;
- 2) *идеограммы* – знаки, связь между формой и значением которых имеет косвенный характер. Идеограммы можно поделить на *первичные*, которые представляют собой пиктограмму с дополнительным элементом, выполняющим указательную функцию, и *вторичные*, которые включают в себя пиктограмму и часть, фиксирующую чтение знака;
- 3) *символограммы* – знаки, форма которых не связана с означаемым. Часть символограмм – это пиктограммы, у которых форма изменилась настолько, что они перестали напоминать объект [2].

Особенности этих классов знаков также могут быть отображены при помощи схемы. У пиктограмм сильна связь между референтом и ГФ (рис. 4), хотя по мере упрощения способа написания иероглифов они все больше отдаляются от изображений референтов, вплоть до перехода в символограммы.

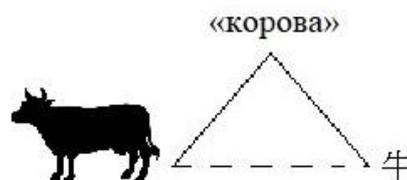

Рис. 1. Семантический треугольник с графической формой

Рис. 2. Семантический треугольник со звуковой формой

Рис. 3. Двойной семантический треугольник

Рис. 4. Двойной семантический треугольник пиктограмм

У первичных идеограмм связь между референтом и ГФ также сильнее, чем у прочих классов, хотя и менее очевидна вследствие большей степени абстракции. Так, иероглиф 本 «корень» представляет собой знак 木 «дерево» с дополнительной чертой, которая указывает на соответствующую часть дерева, но, для того чтобы истолковать его правильным образом, необходимо знать, для чего предназначается эта дополнительная черта (рис. 5).

Рис. 5. Двойной семантический треугольник первичных идеограмм

Фоноидеограммы демонстрируют разные свойства в связи с тем, что имеют более сложную структуру: в их составе выделяются так называемые «семантический определитель» («ключ») и «фонетический определитель» («фонетик»). Первый определяет семантическое поле, к которому принадлежит иероглиф, за вторым закреплено какое-то сочетание звуков, которое становится чтением иероглифа. Таким образом, у фоноидеограмм может быть более сильная связь между ГФ и понятием (рис. 6), между ГФ и понятием, а также ГФ и ЗФ (рис. 7), кроме того, в случае с фоноидеограммами, передающими звукоподражания, могут усиливаться связи между ГФ и понятием, ГФ и ЗФ, а также ЗФ и понятием (рис. 8).

Рис. 6. Двойной семантический треугольник фоноидеограмм

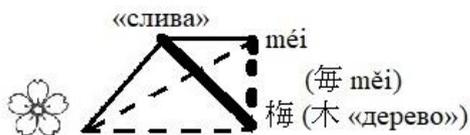

Рис. 7. Двойной семантический треугольник фоноидеограмм с сильной связью между ГФ и ЗФ

Рис. 8. Двойной семантический треугольник фоноидеограмм, передающих звукоподражания

Семантическая структура символюграмм соответствует схеме, представленной на рис. 3, в связи с тем, что каким бы ни было их происхождение, с точки зрения носителя современного языка как звуковая их форма, так и графическая являются произвольными, не ассоциируясь с референтом.

Как уже упоминалось выше, иероглифам свойственно иметь разные чтения в разных языках и диалектах. Однако исторически при заимствовании иероглифики (по крайней мере, китайской в языки Дальнего Востока) сначала возникает противоположное явление – использование звучания знака для передачи другого значения или вообще безотносительно какого-либо значения. У И. Фридриха, который рассматривал этот феномен, прежде всего, на материале ближневосточных письменностей, он получил название звукового ребуса [8, с. 44].

Принцип звукового ребуса был применен сначала корейцами, а затем японцами, когда они начали записывать китайскими иероглифами исконно корейские и японские слова и позже морфемы. В корейском языке такие системы письма получили общее название иду (кор. 吏讀 *иду* (сев. *риду*) «чиновничье письмо»). В японском на принципе звукового ребуса была основана манъёгана (яп. 万葉仮名 *man'yōgana*) – система фиксации японских слов, в которой иероглифы использовались в качестве силлабограмм, в настоящее время его можно наблюдать в атэджи (яп. 当て字 *ateji* букв. «подобранные знаки»).

А.Н. Соколов, отмечая, что японское иероглифическое письмо является, по сути, морфемным, рассматривает атэджи как явление аморфемности. Смысл данного явления состоит в разрушении ассоциативной связи иероглифа со значением морфемы и ее звуковой оболочкой [5]. При этом выделяется два вида отклонения от морфемного принципа японского иероглифического письма. В первом случае иероглиф как раз используется не для передачи закрепленного за ним значения, а для фиксации слога с другим значением или лишенного значения вообще.

В качестве примера можно рассмотреть иероглиф 露 *ro*, исходное значение которого «роса», но после того, как он стал использоваться в записи слова 露西亜 *rosia* «Россия», за ним закрепилось и значение названия страны. Этот переход отображен на рис. 9.

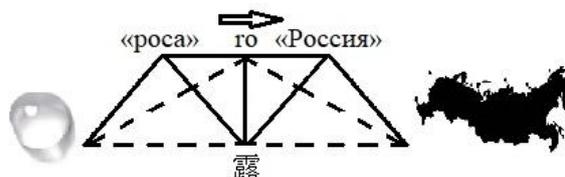

Рис. 9. Семантическая схема фонетического ребуса

При таком переходе точкой, выступающей основой, центром процесса, является ЗФ (го). Однако одновременно и связь между ЗФ и ГФ, обычно представляющая собой слабую, оказывается прочной, потому что графической форме новое понятие придается исключительно на фонетической основе.

При обретении иероглифом нового чтения происходит переход другого рода: референт и понятие остаются прежними (по крайней мере, первоначально), как и ГФ, но меняется ЗФ (рис. 10).

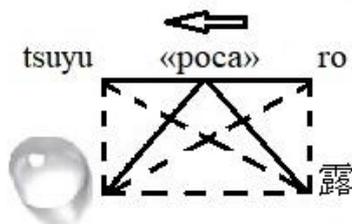

Рис. 10. Семантическая схема получения иероглифом нового чтения

Заимствованный в японский язык иероглиф 露 сначала, как и прочие, употреблялся для записи китайских слов, однако затем японское слово *tsuyu*, поясняющее его значение, закрепилось за ним в качестве нового чтения, т. е. еще одной ЗФ.

В основном закрепление за иероглифом в качестве чтений исконно японских слов происходило в соответствии с принципом морфемности, поскольку иероглифом записывается корень слова (в случае с отглагольными существительными это может быть основа слова в связи со слоговым характером азбуки и невозможностью отделить изменяемый гласный от согласного корня). Однако на уровне сочетаний иероглифов этот принцип может нарушаться.

Во втором варианте аморфемности – аморфемном смысловом письме (по А.Н. Соколову) – иероглиф используется для записи слова, которое по звуковому составу не связано с зафиксированной за этим иероглифом морфемой, а близко ей семантически. В качестве примера можно привести сочетание 大人 *otona* «взрослый». Стандартные «китайские» чтения этих знаков *dai/tai* и *jin/nin* соответственно, т. е. слово с учетом частотности употребления чтений должно бы читаться *daijin*. Таким образом, происходит отрыв знака от закрепленной за ним ЗФ при сохранении значения («большой» и «человек» соответственно), а озвучивается сочетание графических знаков в целом. Схема процесса на примере иероглифа «человек» представлена на рис. 11.

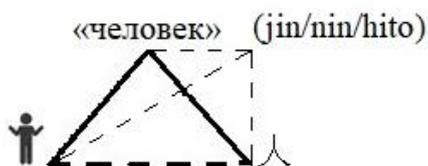

Рис. 11. Семантическая схема отрыва иероглифа от чтения

Связи с ЗФ обозначены пунктиром (а не убраны совсем), потому что, хотя в данном слове ни одна из ЗФ, закрепленных за иероглифом, не реализуется, они необязательно утрачиваются полностью. В некоторых случаях сочетание иероглифов может читаться как с отрывом от стандартных чтений, так и в соответствии с ними, например, 昨日 читается *kinō* или *sakujitsu*, хотя следует отметить, что в таких случаях могут отличаться коннотации вариантов ЗФ.

Эта же схема иллюстрирует механизм транслитвографического перевода (по Т.Е. Шишмаревой [10]), при котором ЗФ исходного знака исключается из рассмотрения, поскольку мы не можем быть уверены в правильности соответствия современной ЗФ историческому оригиналу, а графическая, напротив, сохраняется как форма, репрезентирующая понятие и через него референт.

Также данная схема отражает процесс, наблюдаемый часто в художественной литературе и японских комиксах манга, когда в качестве фонетического комментария к иероглифическому сочетанию выступает, казалось бы, не связанное с ним слово, в том числе заимствование. Последнее, в свою очередь, получает пояснение в виде иероглифов, передающих значение (далеко не все заимствования или неологизмы понятны читателю). Это становится возможным благодаря связи через понятие. Так, например, сочетание 超人 получает прочтение *スーパーマン sūpāman* «супермен».

В некоторых случаях ГФ получает новое звуковое соответствие на основе окказиональной, контекстуально обусловленной связи. Так, в манге «Рурони Кэнсин» [12] в одной из реплик сочетание 逆刃刀 *sakabatō*, представляющее собой авторский неологизм и обозначающее меч, заточенный с обратной стороны, получает фуригану (фонетический комментарий) *こなかたな konna katana* «такой меч». При этом фуригана передает речь персонажа, а иероглифы поясняют, что имел в виду автор [1, с. 27–28].

Возможность присвоения как отдельным иероглифам, так и их сочетаниям нескольких прочтений, в некоторых случаях сочетающаяся с наличием нескольких вариантов смыслового деления сочетаний, приводит к появлению в японском языке иероглифических омографов, т. е. единиц, имеющих одинаковую ГФ, но разную ЗФ и часто разное значение. Так, сочетанию 下手 соответствуют три ЗФ с разными значениями: *shimote* «левая (при взгляде из зала) сторона сцены», *shitate* «нижняя рука/захват нижней рукой (в борьбе сумо)», *heta* «неумелый».

Таким образом, применение модели семантического треугольника к описанию характеристик иероглифа как знака позволяет вывести последнее на более высокий уровень абстракции, в результате иероглиф предстает сложным знаком, обла-

дающим двумя планами выражения, связь между которыми с точки зрения современного пользователя мотивирована слабо или не мотивирована вовсе. Такое свойство резко противопоставляет иероглифику фонетическому письму, единицы которого сами по себе не являются знаками и привязываются к звучанию, но не значению. Также становится возможным схематично представить механизмы, лежащие в основе многих явлений области функционирования иероглифики: фонетического ребуса, получения иероглифом нового чтения, атэджи, аморфного смыслового письма, транслингвографического перевода, иероглифической омографии. Такое представление, в свою очередь, становится иллюстрацией тезиса об относительной независимости графической и звуковой форм языка.

Литература

1. Ананьев, В.В. Реализация языковой игры посредством атэджи / В.В. Ананьев, Т.С. Максимова // II Готлибовские чтения: фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР: материалы Междунар. науч. конф. «Пространства коммуникации: язык, литература, медиа», посвященной столетию Иркутского государственного университета. Иркутск, 18–21 сент. 2018 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е.Ф. Серебрянникова]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – С. 22–30.

2. Готлиб, О.М. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX вв. В.П. Васильев, С.М. Георгиевский, Ю.В. Бунаков, И.М. Ошанин: монография / О.М. Готлиб, Е.В. Кремнёв, Т.Е. Шишмарева. – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. – 283 с.

3. Готлиб, О.М. Основы грамматики китайской письменности / О.М. Готлиб. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 288 с.

4. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида; пер. с фр. и вст. ст. Наталии Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000. – 520 с.

5. Соколов, А.Н. Система письма в Японии, ее история и современное состояние: дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Соколов. – М., 1952. – 207 с.

6. Солнцев, В.М. Язык и письмо / В.М. Солнцев // Т.А. Амирова. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. – С. 3–17.

7. Стефановская, С.В. Семантизация звукового мира. Звукоподражания китайского языка: монография / С.В. Стефановская. – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – 200 с.

8. Фридрих, И. История письма / И. Фридрих. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. – 463 с.

9. Хамаева, Е.А. Этимологический анализ знаков китайской письменности // Словарь этимологий базовых знаков китайской письменности / Е.А. Хамаева. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – С. 6–13.

10. Шишмарева, Т.Е. Китайский словарь «Эрья» в идеографическом и этнокультурном аспектах / Т.Е. Шишмарева. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. – 289 с.

11. Gelb, I.J. A Study of Writing / I.J. Gelb. – Chicago: The University of Chicago Press, 1963. – 311 p.

12. 和月, 伸宏. るろうに剣心 STARTER BOOK 1. / 和月伸宏. – 東京: デジタルカタパルト株式会社, 2009–2018. – https://sokuyomi.jp/product/rurouniken_004/CO/1/ (дата обращения: 05.01.2018).

Ананьев Владимир Валерьевич, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет (Иркутск), v_ananiev@hotmail.com

Поступила в редакцию 13 июня 2020 г.

DOI: 10.14529/ling210110

CHINESE CHARACTERS THROUGH THE PRISM OF THE SEMANTIC TRIANGLE

V.V. Anan'ev, v_ananiev@hotmail.com
Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

This article considers the sign nature of the Chinese character using the semantic triangle by Ogden and Richards. Studying the semantic structure of the Chinese character is important as although the differences between ideographic and phonetic writings are obvious there is a tendency to ignore them in linguistic research, whereas phenomena observed in the sphere of Chinese characters functioning

(varied readings of the character or combinations thereof, including those assigned arbitrarily, possible or even necessary use of a character in isolation from its readings) are described, but are not explained theoretically. The scheme of the Chinese character based on the semantic triangle model by Ogden and Richards allows us to represent in an abstract form and describe different types of characters (pictograms, primary ideograms, phonoideograms) as well as the mechanisms of some grammatologic phenomena (the phonetic rebus, ateji, amorphemic semantic writing, translanguographic translation, homography in Chinese characters). The analysis presents the Chinese character as a complex sign having two planes of expression, with the relationship between them being poorly motivated or not motivated at all from the viewpoint of a user nowadays. This feature sharply contrasts the Chinese characters with the phonetic writing.

Keywords: Chinese character, semantic triangle, grammatology, Chinese language, Japanese language, ateji, Chinese character homography.

References

1. Anan'ev V.V., Maksimova T.S. *Realizatsija jazykovoï igry posredstvom ateji* [Implementing Language Game Using Ateji]. *II Gotlibovskie chtenija: fundamental'nye i actual'nye problem vostokovedenija i regionovedenija stran ATR: materialy Mezhdunar. nauch. konf. "Prostranstva komunikatsii: jazyk, literatura, media", posvjashhennoj stoletiju Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Irkutsk, 18–21 sentjabrja 2018 g. FGBOU VO "IGU" [otv. red. E.F. Serebrennikova]*. [The II Gotlib's Readings: Fundamental and Topical Issues of the Oriental and Asia-Pacific Regional Studies: Proceedings of the International Scientific Conference "The Spaces of Communication: Language, Literature, Media", Dedicated to the 100th Anniversary of Irkutsk State University. Irkutsk, September 18–21, 2018. ISU [Ed. by E.F. Serebrennikova]]. Irkutsk, Publishing Office of Irkutsk State University, 2018, pp. 22–30.
2. Gotlib O.M., Kremnyov E.V., Shishmareva T.E. *Otechestvennye trudy v oblasti grammatologii kitajskoj pis'mennosti vtoroj poloviny XIX – pervoj poloviny XX vv. V.P. Vasil'ev, S.M. Georgievskij, Yu.V. Bunakov, I.M. Oshanin: monografija* [Grammatology of the Chinese Writing System: Domestic Works of the 1850s–1950s Authored by V.P. Vasilyev, S.M. Georgievsky, Yu.V. Bunakov, I.M. Oshanin]. Irkutsk: Moscow State Linguistic University, Eurasian Linguistic Institute, 2014. 283 p.
3. Gotlib O.M. *Osnovy grammatologii kitajskoj pis'mennosti* [The Basics of Grammatology of the Chinese Writing System]. Moscow: Vostok-Zapad, 2007. 288 p.
4. Derrida J. *O grammatologii* [Of Grammatology]. Moscow: Ad Marginem, 2000. 520 p.
5. Sokolov A.N. *Sistema pis'ma v Japonii, jejo istorija i sovremennoe sostojanie* [The System of Writing in Japan, Its History and Present State]: dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 1952. 207 p.
6. Solntsev V.M. *Jazyk i pismo* [Language and Writing]. T.A. Amirova. *Funktsionalnaya vzaimosvyaz' pis'mennogo i zvukovogo jazyka* [The Functional Relation between Written and Spoken Language]. Moscow: Glavnaja redaktsija vostochnoj litareturny izdatel'stva "Nauka", 1985. pp. 3–17.
7. Stefanovskaya S.V. *Semiotizatsija zvukovogo mira. Zvukopodrazhanija kitajskogo jazyka: monografija* [Semiotization of the Sound World. Onomatopoeia in the Chinese Language: Monograph]. Irkutsk: Moscow State Linguistic University, Eurasian Linguistic Institute, 2015. 200 p.
8. Friedrich J. *Istorija pis'ma* [A History of Writing]. Moscow: Glavnaja redaktsija vostochnoj litareturny izdatel'stva "Nauka", 1979. 463 p.
9. Khamaeva E.A. *Etimograficheskiy analiz znakov kitajskoj pis'mennosti* [The Etymographic Analysis of Chinese Characters]. *Slovar' etimologij bazovyh znakov kitajskoj pis'mennosti* [A Dictionary of Etymologies of the Basic Chinese Characters]. Irkutsk, Publishing Office of Irkutsk State University, 2019. pp. 6–13.
10. Shishmareva T.E. *Kitajskij slovar' "Er'ya" v ideograficheskom i etnokul'turnom aspektah* [The Chinese "Er'ya" Dictionary in the Ideographic and Ethnocultural Aspects]. Irkutsk: Irkutsk, Publishing Office of Irkutsk State University, 2016. 289 p.
11. Gelb I.J. *A Study of Writing*. Chicago. The University of Chicago Press, 1963. 311 p.
12. Watsuki N. *Rurouni Kenshin STARTER BOOK 1*. Tokyo: Digital Catapult Kabushiki Gaisha, 2009–2018. Available at: https://sokuyomi.jp/product/rurouniken_004/CO/1/ (accessed 05.01.2018).

Vladimir V. Anan'ev, senior lecturer, Department of Oriental and Asia-Pacific Regional Studies, Irkutsk State University, v_ananiev@hotmail.com

Received 13 June 2020

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Ананьев, В.В. Китайские иероглифы сквозь призму семантического треугольника / В.В. Ананьев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2021. – Т. 18, № 1. – С. 63–68. DOI: 10.14529/ling210110

FOR CITATION

Anan'ev V.V. Chinese Characters Through the Prism of the Semantic Triangle. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2021, vol. 18, no. 1, pp. 63–68. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling210110